

Марс индустриальный и Москва крестьянская: сопоставляя утопии А. А. Богданова и А. В. Чаянова

А. М. НИКУЛИН, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва.
E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В статье сравниваются социальные мировоззрения двух выдающихся ученых начала XX века Александра Богданова и Александра Чаянова через анализ их утопических произведений, которые в художественной форме запечатлели существенные черты социально-экономических и культурно-этических воззрений этих мыслителей. Показывается, что монизм А. Богданова и плюрализм А. Чаянова во многом предопределили идеологические доминанты богдановского индустриализма и чаяновского аграризма.

Ключевые слова: А. А. Богданов; А. В. Чаянов; марксизм; народничество; индустриализм; аграризм; пролетариат; крестьянство; культура

Богданов и Чаянов: сравнивая биографии и мировоззрения

Первое и пока единственное аналитическое сравнение мировоззрений А. Богданова и А. Чаянова в связи с их утопиями было проделано Гловели Г. Д. [Гловели, 2004]. Данная статья стремится углубить и расширить еще не исследованные, прежде всего, индустриальные и аграрные, компаративистские темы и сюжеты богдановской и чаяновской утопий.

Александр Александрович Богданов (1873–1928) и Александр Васильевич Чаянов (1888–1937), обладая невероятно обширными энциклопедическими познаниями, счастливо сочетали их со способностями быть не только теоретиками, но и практиками в самых разнообразных направлениях научной и общественной деятельности, которыми им приходилось заниматься.

Научные интересы А. А. Богданова в области философии и политической экономии, техники и биологии, культуры

и образования были поставлены на службу по-марксистски деятельностного стремления к преобразованию окружающего мира, созиданию нового общественного строя, основанного на принципах развития коллективизма и товарищества, присутствующих, по мнению ученого, прежде всего рабочему классу, индустриальному пролетариату.

Внимание А.В. Чаянова было сосредоточено на междисциплинарных исследованиях на стыках экономики, географии, истории, социологии, антропологии, культуры и отнюдь не только в аграрной сфере. Профессиональный аграрник Чаянов был также глубоко оригинальным социологом-урбанистом, писателем-искусствоведом, реалистом-утопистом. Как и А.А. Богданов он не только мечтал, но и по-своему деятельностно стремился к созиданию нового общественного строя – разнообразного и всестороннего кооперативизма, преодолевающего противоречия между городом и деревней, предоставляющего возможности материального и культурного развития для всех слоев общества.

Однако в отличие от своеобразно ортодоксального коммуниста Богданова, делавшего ставку в своих социальных проектах, прежде всего, на культурное и политическое преобразование достаточно юного индустриального класса своего времени – пролетариата [Богданов, 1924], умеренный социалист Чаянов полагал, что современный ему технико-экономический прогресс представляет уникальные возможности для нового успешного развития одного из древнейших социальных классов на земле – крестьянства [Чаянов, 1924].

Обоим ученым пришлось, каждому в свое время, проявить себя и на поприще политики. Богданов в начале XX века становится наряду с Лениным одним из ключевых лидеров партии большевиков. Впрочем, еще до Первой мировой войны из-за идейных и организационных партийных конфликтов он отходит от политики, предпочтя до конца своей жизни заниматься научной и литературной деятельностью [Шарапов, 1997].

Чаянов был одним из вождей политического объединения российских кооперативов и заместителем министра земледелия в составе Временного правительства в 1917 г. Затем он принимал достаточно активное участие в решении многих ключевых вопросов экономической политики советской России, например, в период Военного коммунизма отстаивал возможность

определенной автономии кооперативных финансов в жестко централизуемой советской экономике.

В годы нэпа с учетом научных разработок Чаянова и его коллег-аграрников в значительной степени формировались планы сельскохозяйственной политики СССР, а идеи Богданова о социалистическом планировании привлекли внимание политиков и ученых Госплана, других высших государственных органов советской власти.

В 1920-е годы оба ученых зарекомендовали себя и чрезвычайно талантливыми организаторами самых современных и продуктивных научно-исследовательских учреждений в СССР. А. В. Чаянов стал директором НИИ сельскохозяйственной экономики, а А. А. Богданов возглавил НИИ переливания крови.

Вместе с тем, и Богданов, и Чаянов с первых месяцев установления советского строя оказались и его весьма пронизательными критиками. Их замечательный анализ сущности военного коммунизма [Богданов, 1990] и государственного коллективизма [Чаянов, 1920] советского строя по-прежнему остается весьма актуальным для постижения исторического и логического путей формирования и развития авторитарных экономик коммунистического типа.

Естественно, столь ярко и критически мыслящие ученые в эпоху тотальных политических и идеологических войн и революций начала XX в. имели многочисленных, часто весьма коварных и завистливых противников, самые влиятельные из которых в значительной степени предопределили многолетнюю политическую травлю как «махиста» и «механициста» Богданова [Щеглов, 1937], так и «мелкобуржуазного неонародника» Чаянова [Труды..., 1930], – травлю, завершившуюся безвременным уходом из жизни обоих ученых, и посмертным искажением и забвением их реального вклада в российскую и мировую науку.

В данной статье делается попытка на основе сопоставления идей и сюжетов утопий Александра Богданова об индустриальном Марсе [Богданов, 1908, 1912] и Александра Чаянова о путешествии в крестьянскую Москву [Чаянов, 1920] проанализировать, какими представлялись обоим ученым перспективы и альтернативы возможного будущего сельско-городского развития России и мира.

Марс индустриальный и Москва крестьянская

Марс в представлении Богданова выглядит планетой самой передовой технической и общественной организации во всей солнечной системе. В начале XX в. марсиане уже совершают межпланетные полеты к Земле и Венере.

Он неоднократно в своих утопиях подчеркивает, что законы природной и социальной эволюции во всем мире должны быть достаточно универсальными. Вот почему марсиане обнаруживают в сравнительном изучении Земли, Марса и Венеры сходные и последовательные стадии развития природы и общества. Если на Марсе уже давно утвердился и продолжает совершенствоваться коллективистский строй коммунистического типа, то на Земле еще преобладает капитализм, хотя уже и колеблемый социалистическими движениями рабочих, но также повсюду еще имеются рудименты докапиталистических формаций в виде разнообразных феодальных, крестьянских и прочих архаических анклавов. Тем временем на Венере разгуливают динозавры, и примет более разумной жизни еще не обнаружено.

Богданов отмечает, что и на Марсе еще несколько сот лет назад, в так называемую эпоху создания великих марсианских каналов, существовала композиция борьбы социальных сил между трудом и капиталом, патриархальных союзов между феодалами и крестьянами и так далее. Но все это осталось в индивидуалистическо-хаотическом прошлом, вытесненным неуклонным ростом организационно-товарищеского коллективизма марсиан. И теперь марсиане, давно уже открывшие возможности применения ядерной энергии, используют ее для межпланетных полетов, наблюдая за тем, что происходит на планете Земля. Для этого их представители, выдающие себя за людей, живут среди землян, тщательно исследуя их общественную и человеческую природу.

Более того, марсиане активно ищут «устойчиво» разумного землянина, которому они могли бы открыться, отправив его на Марс для изучения их передовой марсианской цивилизации. Таковым землянином оказывается в романе «Красная звезда» один из воображаемых вожаков российских революционеров по имени Леонид, последовательный сторонник позитивистского научного мировоззрения и социальной теории Карла Маркса. Доставленный на Марс Леонид внимательно и прилежно изучает социальную и техническую организацию этой планеты, наблюдая

местные процессы индустриального производства, воспитания детей, музейного собирания культуры и так далее. Порой он ощущает себя примитивным дикарем, которому приходится усваивать науку и культуру высшей цивилизации.

Главное различие между обитателями Земли и Марса, которое обнаруживает Леонид, заключается в более яростном спонтанном, импульсивном, разнообразном характере людей и обществ на Земле по сравнению с рациональным и менее эмоциональным течением исторической и современной жизни марсиан. Эти различия между планетами выводятся Богдановым прежде всего из их естественно природных особенностей. Космическое тело Земли крупнее, чем у Марса – миры земной живой и неживой природы богаче и разнообразнее марсианских. Земная человеческая история также является более вариативной и, если так можно сказать, «упрямой» по сравнению с более однолинейной и «покладистой» историей восхождения общества от первобытности через феодализм и капитализм к социализму на Марсе.

И на Марсе когда-то, много сотен лет назад, отмечает Богданов, основным населением планеты было крестьянство, но с неуклонным ростом капитализма и индустриализации его значение сошло на нет. Вообще о любом крестьянстве, во всех своих социально-политических сочинениях Богданов всегда отзываясь крайне скупой, часто неприязненно, отмечая мелкобуржуазную бесперспективность этого архаического класса, легковверного до степени поддержки всякого рода консервативно авторитарных вождей, обреченного быть лишь сырьем для экспансии любой городской цивилизации.

Потому на Марсе XX в. уже не упоминается о крестьянстве вообще, зато повсюду описываются приметы высокоразвитой индустриально-городской цивилизации, которая без труда обеспечивает себя продовольствием и сырьем, отчасти за счет высококомеханизированной обработки гигантских и давно обобществленных сельхозугодий, отчасти за счет перехода на изготовление химически искусственных продуктов, когда-то получавшихся из сельскохозяйственного сырья.

В чайновской утопии мы вместе с ее главным героем Иваном Кремневым, видным советским партийцем и хозяйственником, из Москвы 1921 г. времен торжества всемирной коммунистической

революции (сама же утопия написана в 1919-м году) мистическим образом переносимся в Москву 1984 г. – столицу утопического торжества всероссийской крестьянской цивилизации. Вместе с Кремневым, внезапно оказавшимся в одной московской семье и с испуга выдавшим себя за американца-путешественника Чарли Мэна, которого эта семья ожидала в гости, читателям предстоит интересоваться книгами, беседами не только крестьянской Москвы 1984 г., но и фактически всей земной историей почти всего XX века.

Чаяновская утопия убеждает, что земная жизнь, конечно, гораздо разнообразней, чем флегматичная марсианская утопия Богданова. В своей книге Чаянов легко допускает, что мировая коммунистическая революция, все и вся обобществив, стремительно и повсюду победила уже к 1921-му г. Что с того?! Постигая историю из 1984 г., его главный герой убеждается, что «мировое единство социалистической системы держалось недолго, и центробежные социальные силы весьма скоро разорвали царившее согласие» [Чаянов, 1989. С. 165]. Этими силами в различных регионах мира оказывались национализм, амбиции политических лидеров, олигархия, и коррупция. Мир прошел и через новые кровопролитные войны, и через новые социальные перевороты. В результате к 1984 г. сформировалась композиция из пяти достаточно автономных и разнообразных социально-экономических систем – Русской, Германской, Англо-Французской, Американской, Японо-Китайской, заживших на культурно-экономических основаниях, наиболее им исторически присущих. В России господствовал строй смешанной экономики, в центре которой крестьянский кооперативизм сочетается с мощным госсектором и даже отчасти капитализмом. В Германии сложилась централизованная социалистическая система советского типа, в Англо-Французской и Американской экономических системах можно обнаружить разновидности доминирования капитализма, в Японо-Китае сформировался своеобразный феодализм.

Особенность российской социально-экономической системы заключается в драматической борьбе и решающей победе в середине XX в. села над городом, созидании общества крестьянской цивилизации. Как пишет сам Чаянов от имени идеологов этой крестьянской утопии: «В основе нашего хозяйственного строя

так же, как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считали и считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности. В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник – творец, каждое проявление его индивидуальности – искусство труда» [Чаянов, 1989. С. 188].

Чем для победы индустриального Марса стала реализация долговременного плана создания марсианских каналов, преобразовавших рационально социалистическим образом всю экономику и экологию планеты, тем же стала для крестьянской России программа реализации тотального разрушения городов, и трансформация их в своеобразные социальные узлы связей гражданского крестьянско-кооперативного социума.

В результате перед читателем открывается картина страны, преодолевшей фундаментальное противоречие между городом и селом со стороны активной экспансии села: «Деревня приняла необычный для сельских поселений вид. Вся страна образует теперь кругом Москвы на сотни верст сплошное сельскохозяйственное поселение, прерываемое квадратами общественных лесов, полосами кооперативных выгонов и огромными климатическими парками.

В районах хуторского расселения, где семейный надел составляет 3–4 десятины, крестьянские дома на протяжении многих десятков верст стоят почти рядом друг с другом, и только распространенные теперь плотные кулисы тутовых и фруктовых деревьев закрывают одно строение от другого. В сущности, теперь пора бросить старомодное деление на город и деревню, ибо мы имеем только более сгущенный или более разреженный тип поселения того же самого земледельческого населения.

Вы видите группы зданий... несколько выделяющихся по своим размерам. Это – «городища», как принято их теперь называть. Местная школа, библиотека, зал для спектаклей и танцев и прочие общественные учреждения. Маленький социальный узел. Теперешние города такие же социальные узлы той же сельской жизни, только больших размеров» [Чаянов, 1989. С. 194].

Инженер Мэнни и экономист Мэн среди утопических культур социальных и природных взаимоотношений

От аналитического описания особенностей двух утопических стран – марсианской и московской – следует перейти к анализу образов и судеб главных героев богдановского и чаяновского произведений в логике описываемых утопических культур.

Образы главных героев исторически и психологически претерпевают значительные трансформации и перевоплощения.

Так, фактически в двух утопических романах Богданова главными героями являются в «Красной звезде» – праправнук Мэнни и в «Инженере Мэнни» – его же прапрадед. Автор таким образом прослеживал психологическую трансформацию характеров (с разницей примерно в 250 лет) героев одного рода Мэнни, исторические корни которого переплетаются в причудливой породненности аристократической, буржуазной и рабочей среды.

Мэнни – прапрадед – гениальный инженер и крупный менеджер, инициировавший и возглавивший работы по прорытию марсианских каналов на пике исторического развития марсианского капитализма. Он носитель могучих и характерных черт авторитарного либерала капиталистического типа, своим характером чем-то напоминаящий честные, суровые, скупые характеры первых капиталистов-протестантов, как их описывает Макс Вебер. Успешно начав великие работы каналостроительства, сурово честный Мэнни становится жертвой конфликтов между рабочими и капиталистами, а главное – жертвой интриг капиталистов особо коварно алчных, предпочитающих действовать во имя собственного обогащения коррупционными методами и всячески экономящих на экологической и трудовой безопасности. В суровой ярости Мэнни убивает главного интригана великих работ и попадает на многие годы в тюрьму. Но как очень ценный и высококлассный специалист он и из мест заключения продолжает следить за великими работами и отчасти даже управлять ими. В конце романа Мэнни совершает самоубийство, символизируя своей смертью закат эпохи торжества индивидуализма капиталистического гения. А на его место руководителя великих работ приходит незаконнорожденный сын Мэнни, не менее талантливый инженер и организатор, но руководствующийся более совершенной и гуманной коллективистско-социалистической

точкой зрения, которая с неумолимостью прогресса сменяет буржуазный индивидуализм уходящей эпохи.

В следующем романе «Красная звезда» далекий потомок великого инженера-индивидуалиста, тоже выдающийся инженер и ученый, но уже, конечно, коммунист – Мэнни-пра-пра-младший является одним из руководителей марсианских экспедиций на Землю и Венеру и во многом своим решающим словом предопределяет стратегические решения по направлениям дальнейшей экспансии марсиан среди планет солнечной системы.

В этом романе А. А. Богданов ставит чрезвычайно важный вопрос об угрозе исчерпания планетарных ресурсов при условии неуклонного роста как самого населения, так и стремительно развивающихся производительных сил Марса. Фактически он признает, что в перспективе и перед коммунистическим обществом может возникнуть проблема перенаселения, а значит, для выхода из этой мальтузианской ловушки предстоит заняться колонизацией ближайших планетарных соседей¹. Таким образом, одна из главных финальных интриг «Красной звезды» заключается в стратегическом выборе марсиан – колонизировать Землю или Венеру ради утоления надвигающегося голода их высокоразвитой промышленности.

С точки зрения жестко рационального выбора Земля представляется более предпочтительным объектом для основания колонии. На Земле ресурсов больше, чем на Венере, она более комфортна для проживания, чем жарко влажная Венера. Единственным серьезным препятствием в вопросах колонизации Земли оказываются населяющие ее люди. Импульсивно эмоциональные, этнически чрезвычайно разнообразные, земляне, по предположению марсианских экспертов, не захотят делиться своими ресурсами, даже на самых выгодных для них условиях, и наверняка окажут яростное сопротивление любым попыткам мирно с ними договориться. Более того, сметливые земляне наверняка попробовали бы завладеть марсианским оружием и нанести серьезный ущерб марсианам.

---

¹ Более подробно интересный анализ богдановской утопии в контексте преодоления мальтузианской ловушки см. в статье: Григорьян Н. Революция на Земле и на Марсе: мальтузианские мысленные эксперименты в романах «Красная звезда» А. Богданова и «Аэлита» А. Н. Толстого // Новое литературное обозрение. 2015. № 2. С. 231–244.

Именно поэтому до конца рационально последовательный марсианский эксперт в заключение предлагал безжалостно и стремительно истребить всех людей, обосновывая свой план геноцида более высокой ценностью жизнью научно-технически и социально-организованных марсиан по сравнению с низкоорганизованными «дикарями» – землянами. Впрочем, он оказался в меньшинстве. Разумные марсиане предпочли прислушаться к более гуманистической, хотя стратегически более рискованной и затратной точке зрения Мэнни, а также возлюбленной землянина Леонида марсианке Нэтти. Ими, наоборот, была всячески подчеркнута замечательная ценность социального и культурного разнообразия Земли, потенциально таящего в себе альтернативы неожиданно новых направлений прогресса, безусловно, ценных для дальнейшей межпланетной эволюции солнечной системы. В результате марсиане решают направиться все же в сторону колонизации знойной Венеры с ее царствами ящеров – динозавров, обитающих в отсутствие каких-либо разумных существ.

В книге А. Чаянова, в отличие от реально марсианского Мэнни, под именем вымышленного американского Мэна скрывается опытный революционер-коммунист Алексей Кремнев². Так же в отличие от Богдановского «твердокаменного» Мэнни Чаяновский Кремнев (Мэн) отличается рефлексивной раздвоенностью, внутренней неуверенностью. Разумом Кремнев полагает, что централизованный коммунизм – это высший общественный строй, в котором история находит свой конец, но в своих чувствах он, старый московский интеллигент, постоянно обращается к воспоминаниям о чарующем многообразии культуры самых различных стилей и эпох. Поэтому неожиданно попав в мир крестьянской утопии, Кремнев, очарованный всем окружающим его блеском многоукладности, плюрализма, толерантности Москвы 1984-го, начинает испытывать к этому миру определенную симпатию. Внимательно изучая историю и современность крестьянской цивилизации, положившей пределы экспансии как урбанистического капитализма, так и централизованного социализма (по крайней мере в утопической России), Кремнев становится очевидцем многообразных и прихотливых возможностей как российской,

---

² Интересно, что в фамилиях богдановского Мэнни и чаяновского Мэна легко обнаруживается единый корень от английского слова man – человек, подчеркивающий некоторую чужестранную общечеловечность обоих героев.

так и всемирной истории. Мэн и человечество в утопии Чаянова описываются движимыми более сложными и разнообразными путями, чем генеральный эволюционизм социального мира в межпланетных поколениях, окружающих Мэнни: от «динозавризма» Венеры к капитализму Земли, а от него – к коммунизму Марса.

Нельзя сказать, чтобы в утопии Богданова однолинейность путей человека и общества торжествовала абсолютно. Богданов иногда упоминает о некоторых возмущениях и поворотах вспять прогрессивной исторической эволюции и на Земле, и на Марсе: о контрреволюционных восстаниях, оппортунистических интригах, но, кажется, только для того чтобы еще глубже подчеркнуть, что победа коммунизма на Марсе, Земле где угодно непременно наступает, и спрятаться от нее невозможно.

Для утопии Богданова характерен примат прогрессирующего товарищеского коллективизма в жизни общества, перед которым неуклонно отступают на второй план человеческий индивидуализм и традиционная приватная, семейная жизнь. Товарищеский коллективизм выравнивает даже извечные гендерные различия между мужчинами и женщинами, о чем свидетельствует историческая культура изображений обнаженных тел марсиан, представленная в марсианском музее. И, конечно, на Марсе отсутствуют как украшения в архитектуре, так и изыски в моде. Архитектура этой планеты абсолютно конструктивистски функциональна, так же, как и одежда марсиан, в которой господствует стиль унисекс. Помимо этого, с фактически товарищески-коллективистским преодолением разности полов на Марсе произошло и преодоление института семьи. В марсианских семьях еще возможно жить и даже воспитывать детей, но это все устаревающе-сентиментальные социальные отношения, а отношения массово современные – жизнь и воспитание разновозрастных детей в гигантских детсадах-школах-интернатах.

Чаянов же в своей утопии принципиально настаивает, что семья была, есть и останется. Ее не смог уничтожить даже декрет утопической мировой коммунистической революции от 1920 г. о полном упразднении семьи и семейного очага. К тому же Чаянов, вполне в духе умеренных просветителей, признает, что человеческая природа, возможно, и меняется к лучшему, но (!) со скоростью геологических процессов. Вероятно, поэтому в чаяновской утопии господствует пока лишь кооперативно-рыночный,

а не товарищеско-коммунистический коллективизм. Женщины в его книге – прекрасны и очаровательны телом и платьем, как дамы времен Ренессанса, в отличие от марсианок, фигурой и одеждой схожих с китаянками времен маоистской культурной революции. Немудрено, что Кремнев – Мэн стремительно очаровывается двумя прекрасными девушками – сестрами, замечательно образованными, к тому же умеющими вкусно готовить по рецептам традиционной русской кухни в кругу большой, дружной московской интеллигентной семьи.

Впрочем, роль женщины как берегини любви и судьбы мужчины почти одинаково проявляется в финале обеих утопий. В богдановской – марсианка Нэтти, возлюбленная землянина Леонида, спасает его на одре тяжелой болезни и воодушевляет на дальнейшую революционную борьбу. А в чаяновской – москвичка Катерина, влюбившись в Алексея Кремнева, предупреждает, что окружающие заподозрили в нем немецкого шпиона, объявившегося в Москве в канун внезапного вторжения Германии в Россию.

Чаянов в момент написания утопии предугадывает возможные грядущие экспансионистские (реваншистские и колонизационные) замыслы Германии будущего по отношению к России. Между прочим, он наделяет ее экономическую систему всеми признаками косной бюрократически централизованной и огосударственной системы социализма советского типа. В утопии Чаянова Германия, испытывая перманентный продовольственный кризис из-за неэффективности своих совхозов, вторгается в богатую продовольствием крестьянскую Московию, но тут же терпит сокрушительное поражение из-за применения противником чудо-оружия – аппаратов точного и мощного регулирования климата как в мирных (вызывание точно по расписанию определенного количества дождя на крестьянские поля), так и военных (вызывание разрушительных смерчей и ураганов на армии противника) целях.

Подводя итоги: сходства и различия в утопиях и мировоззрениях Богданова и Чаянова

Безусловно, в своих утопиях и А.А. Богданов и А.В. Чаянов стремились в формах художественной фантазии воплотить сущностные черты своих взглядов на перспективы развития их главных социальных героев – рабочего и крестьянина.

Для А. А. Богданова пролетарий в момент своего зарождения (еще на мануфактурной стадии) – это некая дробная, усеченная частичка человеческой личности. Лишь в дальнейшем процессе капиталистической индустриализации происходит процесс его развития, собирания, самоорганизации и самопознания. По Богданову, пролетариат – это товарищество коллективного труда, в процессе которого происходит становление новой гармоничной человеческой личности.

Но крестьянин по Чайнову – это совершенно другой социальный феномен. В отличие от юного индустриального пролетариата, крестьянство – древний социальный класс. Богданов ставит задачу выработки пролетарской культуры. А крестьянская культура уже существует испокон веков, и в ней крестьянин есть, прежде всего, семьянин среди природы. Крестьянство – это семейное хозяйство на земле.

Трагедия заключается в том, что два этих энциклопедических ума достаточно прохладно относились к сельско-городским противоположностям своих излюбленных классов. Они – яркие представители двух мощных взаимосоперничающих идеологических тенденций своего времени – урбанизма и аграризма. Первая тенденция в начале XX в. являлась, безусловно, господствующей. Это вера в то, что индустриальная урбанизация полностью преобразит производительные силы планеты, и в самое ближайшее время индустрия города окончательно победит сельскую жизнь деревень. Впрочем, в это же время в ряде стран Центральной и Восточной Европы, в особенности в Германии и России, существовало и достаточно влиятельное направление аграризма, отстаивавшего именно ценности сельского образа жизни в условиях все ускоряющегося технического прогресса [Бруиш, 2012]. И, конечно, аграристы критиковали урбанизм за дымные фабрики, городские столпотворения, опасности сильной социальной дифференциации, возникающие экологические проблемы. Аграристы полагали, что с развитием науки и техники и сельский образ жизни, и аграрные науки, и сам крестьянин могут получить «второе дыхание» для реализации ранее невиданных возможностей. Именно к таким ярким представителям аграристов относился Чайнов.

Печально, что Богданов, интересовавшийся всем на свете, фактически абсолютно игнорировал аграрную сферу развития человечества³.

Но надо признать, что и Чаянов, несмотря на его неутомимый интерес к самым различным сторонам существования и развития человеческого общества, в основном лишь тривиально скептически отзывался об индустриализме и урбанизме. Например, о рабочем, его чаяниях и культурно-утопических мечтах в своей книге Чаянов отзывался не менее уничижительно и поверхностно, чем Богданов с его банальными репликами о мелкобуржуазно туповатой сущности крестьянского класса:

«Вам, наверное, известно, что в социалистический период нашей истории крестьянское хозяйство почитали за нечто низшее, за ту протоматерию, из которой должны были выкристаллизовываться “высшие формы крупного коллективного хозяйства”. Отсюда старая идея о фабриках хлеба и мяса. Для нас теперь ясно, что взгляд этот имеет не столько логическое, сколько генетическое происхождение. Социализм был зачат как антитеза капитализма; рожденный в застенках германской капиталистической фабрики, выношенный психологией измученного подневольной работой городского пролетариата, поколениями, отвыкшими от всякой индивидуальной творческой работы и мысли, он мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружающего его... Будучи наемником, рабочий, строя свою идеологию, ввел наемничество в символ веры будущего строя и создал экономическую систему, в которой все были исполнителями и только единицы обладали правом творчества» [Чаянов, 1989. С. 195].

От социальных типов рабочего и крестьянина обратимся к основам социологии организации, в которой и Богданов, и Чаянов были во многом первопроходцами. Как известно, А. А. Богдановым был создан грандиозный социально-философский трактат «Тектология. Всеобщая организационная наука», которая предвосхитила многие положения кибернетики с ее системным подходом. В работах А. В. Чаянова также обосновывается целый

---

³ Один из крупнейших зарубежных богдановедов Джон Биггарт в беседе с автором этой статьи высказал мнение, что Богданов вообще ничего не видел и не понимал в аграрной области со всей сложностью аграрного вопроса и спецификой сельского образа жизни. Возразить Биггарту было нечего, пришлось согласиться с ним.

системный комплекс организационных мер и методов, *организации* самых разнообразных социальных институтов, отнюдь не только его знаменитых «крестьянского хозяйства» и «сельскохозяйственной кооперации».

В чем разница методологических подходов к вопросам системной организации у этих двух замечательных ученых?

У А. А. Богданова доминирует всеобъемлющее, тотальное понятие организации. Он очень трогательно через постоянное использование данного термина стремится объяснить самые сложные и самые различные явления на свете: любовь, бог, красота и так далее. В целом же, по Богданову, эволюция и прогресс человеческого общества заключаются как раз в совершенствовании системы общих и частных организационных принципов, которые должны достичь своего объединяющего совершенства в грядущем коллективизме социалистического и коммунистического обществ.

Чаяновское *плюралистическое* понимание эволюции и прогресса институциональных организаций принципиально отлично от богдановского *монизма*. Он огромное внимание уделяет принципиально многообразию организационных форм общества. Да, признает Чайнов, есть некоторые всеобщие принципы, характерные, пожалуй, для всех социальных институтов. Но они столь абстрактны, что становятся бессодержательны при анализе конкретных институтов и повседневных принципов их функционирования, вырождаясь лишь в абстрактно общую теорию систем.

Для Чайнова, в отличие от Богданова, историческая эволюция социальных институтов не столь ясна и однозначна. По Чайнову, история – это не абстрактная однолинейная лестница прогресса марксистского типа, где, может, и с задержками, но все же неумолимо докапиталистические формации сменяются капиталистической, а та в свою очередь пусть достаточно болезненно, но, в конце концов, непременно сменится коммунизмом. Тем более, лишь в абстракции существуют абсолютно чистые и изолированные организационные формы, в реальной жизни социальные институты взаимодействуют меж собой в виде диковинных конгломератов, внутри которых существуют самые невероятные симбиотические варианты достаточно длительного сосуществования весьма условно называемых «новых» и «старых», «архаичных»

и «современных» образований. Прогресс не так уж и очевиден, а также весьма проблематичен.

У многих мыслителей бывает излюбленное часто употребляемое понятие, как у Богданова *организация*. У Чаянова ключевым термином при описании функционирования социальных организаций, пожалуй, является понятие *оптимума* – оптимального решения некоей социальной, экономической, культурной проблемы [Никулин, 2017]. В политическом смысле Чаянов подчеркивал поиск оптимального решения через нахождение необходимого компромисса, более-менее устраивающего различные стороны. Даже в 1928 г., находясь уже под сильным идеологическим давлением и контролем, Чаянов, вынужденный для сборника научно-технических утопий написать утопический очерк об аграрном прогрессе, в котором не останется места крестьянству и традиционному сельскому хозяйству, тем не менее умудрялся всячески подчеркнуть вероятно-проблематичный и многовариантный характер и такой утопии [Чаянов, 1928].

По Богданову, «компромиссы» – это в целом суть признаки мелкобуржуазного либерализма, обывательщины, филистерства. Как политик он признавал компромиссы лишь как временные тактические меры, никогда не считая их краеугольным принципом социальной жизни. А у Чаянова в нахождении оптимальных компромиссов заключается вся суть решения социальных проблем. Чаянов стремился найти компромисс не только между различными экономическими и социальными укладами, но даже между традиционным и современным мировоззрением.

И, конечно, оба ученых стремились найти новые пути разработки и применения естественных и природных ресурсов для революционной России.

Таким главным природным физиологическим ресурсом для А. А. Богданова была человеческая кровь, а для А. В. Чаянова – земной климат, как своеобразная «кровеносная» система Земного шара. Аграрник Чаянов, признавая безусловную важность почвы, тем не менее подчеркивал, что главным источником жизни на Земле является взаимодействие солнца и воды в процессах климатических изменений. И Богданов с его переливанием крови, и Чаянов с регуляцией климата стремились сами стихии природы направить на создание в России нового революционного общества, социально справедливого и культурно творческого.

Итак, сравнивая утопии этих двух мыслителей, мы можем утверждать, что богдановские утопии в целом бескомпромиссны, однонаправленны, в то время как чайновские представляют собой компромиссные конгломераты возможных альтернатив социального и личностного развития.

Литература

- Богданов А.А.* Красная звезда. 1-е изд., СПб., 1908.
- Богданов А.А.* Инженер Мэнни. 1-е изд., М., 1912.
- Богданов А.А.* О пролетарской культуре. 1904-1924. Л.-М.: Изд-во «Книга», 1924.
- Богданов А.А.* Военный коммунизм и государственный капитализм / Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. С. 311-320.
- Бруши К.* Крестьянская идеология для крестьянской России: аграризм в России начала XX века // Крестьяноведение. 2012. Вып. 7. С. 142-158.
- Гловели Г.Д.* «Красная звезда» и красная роза: из истории русской утопии // Вестник Международного института А. Богданова, 2004, № 3 (19), С.57-78.
- Никулин А.М.* Чайновский утопизм: балансируя среди кризисов интенсификации оптимумов // Крестьяноведение. 2017. Т.2. №1. С. 6-30.
- Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, Том 1. М.: 1930.
- Чаянов А.В.* Государственный коллективизм и крестьянская кооперация // Кооператив. жизнь. 1920. №1-2. С. 6-12.
- Чаянов А.В.* Основные идеи и методы работы общественной агрономии. 3-е изд. М.: Новая деревня, 1924.
- Чаянов А.В.* Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии. М.-Л. 1928.
- Чаянов А.В.* (1989). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чайнов А. В. Венецианское зеркало. М.: Современник. С. 161-208.
- Шаронов Ю.П.* Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 55-67.
- Щеглов А.* Борьба Ленина с богдановской ревизией марксизма. М., 1937.

Статья поступила 12.03.2019.

Для цитирования: *Никулин А.М.* Марс индустриальный и Москва крестьянская: утопии А.А. Богданова и А.В. Чайнова // ЭКО. 2019. № 4. С. 95-112.

Summary

Nikulin A.M., Candidate of Sciences (Economics), Director of the Centre for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Industrial Mars and Peasant Moscow: Comparing Utopias of A.A. Bogdanov and A.V. Chayanov

Abstract. The article compares the social worldviews of two prominent scientists of the beginning of the 20th century, Alexander Bogdanov and Alexander Chayanov, through the analysis of their utopian works, which in artistic form captured the essential features of the socio-economic and cultural-ethical views of these thinkers. It is shown that the monism of A. Bogdanov and the pluralism of A. Chayanov in many respects predetermined the ideological dominants of Bogdanov industrialism and Chayanov agrarianism.

Keywords: *A.A. Bogdanov; A.V. Chayanov; Marxism; populism; industrialism; agrarianism; the proletariat; the peasantry; culture*

References

- Bogdanov, A. A. (1908). *The Red Star*. SPb. (In Russ.).
- Bogdanov, A. A. (1912). *Engineer Manny*. Moscow. (In Russ.).
- Bogdanov, A.A. (1924). *About Proletarian Culture. 1904-1924*. L.-M.: Izd-vo «Kniga». (In Russ.).
- Bogdanov, A.A. (1990). *War Communism and State Capitalism*. Voprosy socializma. Moscow. Politizdat. Pp. 311-320. (In Russ.).
- Bruish, K. (2012). Peasant Ideology for Peasant Russia: Agrarianism in Russia at the Beginning of the 20th Century. *Krestyanovedenie*. No. 7. Pp. 142–158. (In Russ.).
- Chayanov, A.V. (1920). State Collectivism and Peasant Cooperation. *Kooperativnaya zhizn'*. No.1-2. Pp. 6-12. (In Russ.).
- Chayanov, A.V. (1924). *Basic Ideas and Methods of Work of Social Agronomy*. Moscow. Novaya derevnya Publ. (In Russ.).
- Chayanov, A. V. (1928). On the possible future of agrarian economy. *Zhizn' i tekhnika budushhego: sotsial'nye i nauchno-tekhicheskie utopii*. Moscow; Leningrad. (In Russ.).
- Chayanov, A. (1989). *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia*. Venecianskoe zerkalo. Moscow. Sovremennik Publ. Pp. 161–208. (In Russ.).
- Gloveli, G.D. (2004). The “Red Star” and the Red Rose: From the History of Russian Utopia. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova*. No. 3 (19), Pp.57-78. (In Russ.).
- Nikulin, A.M. (2017). Chayanovian Utopian Visions: Looking for the Balance under the Crises of Optima Intensification. *Krestyanovedenie*. Vol. 2. No. 1. Pp. 6–30. (In Russ.). DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-6-30
- Trudy pervoj Vsesoyuznoj konferencii agrarnikov-marksistov*. (1930). Vol. 1. Moscow. (In Russ.).
- Sharapov, Yu.P. (1997). Lenin and Bogdanov: from the Cooperation to the Confrontation. *Otechestvennaya istoriya*. No. 5. Pp. 55-67. (In Russ.).
- Shcheglov, A. (1937). *Lenin's Struggle with Bogdanov's Revision of Marxism*. Moscow. (In Russ.).
- For citation:** Nikulin, A.M. (2019). Industrial Mars and Peasant Moscow: Comparing Utopias of A.A. Bogdanov and A.V. Chayanov. *ECO*. No. 4. Pp. 95-112. (In Russ.).